

Гу Цинфэн плотно сжал губы, упрямо не желая произносить ни слова.

Увидев это, Чэн Цзиньнянь не разозлился, а лишь усмехнулся:

— Прекрасно.

Закончив фразу, Чэн Цзиньнянь прижал его голову к подушке и отвесил пощечину.

Гу Цинфэн инстинктивно догадался, что собирается сделать Чэн Цзиньнянь, и невольно попытался отпрянуть, но его тело было намертво зафиксировано, и как бы он ни вырывался, пошевелиться не мог.

В этот миг его охватил настоящий ужас.

Чэн Цзиньнянь сжал его челюсть и ударил кулаком по лицу. Гу Цинфэн, не сводя с него глаз, отчаянно мотал головой, умоляя:

— Не надо... Цзиньнянь... прошу тебя... не надо... м-м...

Чэн Цзиньнянь лишь бросил:

— Поздно.

Гу Цинфэн всегда знал, что Чэн Цзиньнянь — человек недобрый, но только сегодня он осознал, насколько этот человек может быть пугающим!

Они были вместе столько лет, и раньше Чэн Цзиньнянь тоже принуждал его к тому, чего он не хотел, но никогда прежде он не испытывал такого предельного отчаяния, будто завтрашний день для него больше не наступит.

Гу Цинфэн чувствовал, что его губы разбиты, щеки горели огнем, а дышать было так трудно, что лицо налилось кровью.

Видя это, Чэн Цзиньнянь, напротив, становился лишь жесточе, а его движения — грубее.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он наконец отпустил его.

Как только Чэн Цзиньнянь выпрямился, Гу Цинфэн, склонив голову, тут же его стошнило.

Чэн Цзиньнянь с отвращением посмотрел на него и немедленно вызвал сиделку, чтобы та всё убрала.

Когда порядок был наведен, Гу Цинфэн лежал на кровати с мертвым сердцем.

Он обдумывал всё, что совершил с ним Чэн Цзиньнянь, и пришел к выводу, что лучше было бы просто умереть.

Если вся его дальнейшая жизнь превратится в череду подобных мучений, Гу Цинфэн предпочел бы покончить с этим здесь и сейчас — раз и навсегда.

Ведь только в смерти не будет такой боли.

Чэн Цзиньнянь смотрел на его лицо, испытывая легкое сожаление, но ни капли жалости.

В глубине души он считал: если Гу Цинфэн совершил ошибку, он должен быть наказан.

Если бы на его месте оказался кто-то другой, Чэн Цзиньнянь не был бы так разгневан.

Но это был Чэн Но — человек, которого он ненавидел больше всего на свете. Если бы была возможность, он бы своими руками его задушил.

Гу Цинфэн мог не быть с ним, он даже мог допустить мысль, что когда-нибудь тот будет с кем-то другим, но только не с Чэн Но!

Чэн Цзиньнянь посмотрел на него и спросил:

— Понял свою ошибку?

Гу Цинфэн смотрел в потолок пустыми глазами, словно не слыша вопроса, на его лице не дрогнул ни один мускул.

Чэн Цзиньнянь добавил:

— Молчишь — и ладно. Считай, что сегодняшний инцидент исчерпан, я не стану больше преследовать тебя за это. Но держись от Чэн Но подальше. Если я еще раз узнаю... я заставлю тебя...

— Так убей меня! — Гу Цинфэн внезапно повернул голову и посмотрел на него, произнеся совершенно спокойным тоном: — Чэн Цзиньнянь, позволь мне умереть, не мучай меня больше.

— Умереть? Гу Цинфэн, да кто ты такой, чтобы распоряжаться своей смертью?

На душе у Гу Цинфэна стало горько. В глазах Чэн Цзиньняня он даже права на смерть не имел?

Чэн Цзиньнянь, прищурившись, взглянул на его бледное лицо и усмехнулся:

— Гу Цинфэн, не пытайся запугать меня смертью. Есть смелость? Ну так умри, я посмотрю.

Гу Цинфэн смотрел на него, как на дьявола. В его глазах, помимо страха и тревоги, осталось лишь отчаяние.

Он не знал, сколько еще продлится такая жизнь, но одна мысль о ней повергала его в ужас. Существование без завтрашнего дня не имело никакого смысла.

Поэтому Гу Цинфэн ответил:

— Хорошо.

Чэн Цзиньнянь не принял его слова всерьез. В его представлении Гу Цинфэн всегда был трусливым и мягкотелым человеком, который только и умеет, что болтать о смерти, чтобы вызвать жалость, но никогда не решится на это по-настоящему.

Однако он не подозревал, что в этот раз мог ошибиться.

Чэн Цзиньнянь пробыл в палате еще немного и ушел, ведь ему нужно было к Гу Цинчэну. Каждый вечер тот требовал его присутствия, чтобы уснуть, поэтому Чэн Цзиньнянь без колебаний бросил Гу Цинфэна и поспешил к Гу Цинчэну.

Когда Чэн Цзиньнянь пришел, Гу Цинчэн как раз принял лекарство и выглядел совсем увядшим. В последнее время его состояние стремительно ухудшалось: тело сильно отекало, аппетит пропал, а сон стал совсем плохим.

Каждый раз, видя его таким, Чэн Цзиньнянь испытывал невыносимую жалость.

Едва приняв лекарство, Гу Цинчэн лежал на кровати, едва дыша. Госпожа Гу сидела рядом и украдкой вытирала слезы, бормоча под нос:

— За что нашему Чэн-Чэну такая болезнь? А эта бессовестная тварь живет себе припеваючи.

Неизвестно почему, но слова госпожи Гу неприятно резанули Чэн Цзиньняня. Ему даже захотелось вступить за Гу Цинфэна: разве он не ваш сын?

Но сейчас важнее было заботиться о Гу Цинчэне, и он не стал спорить с госпожой Гу.

Гу Цинчэн хотел видеть Чэн Цзиньняня, но его лицо так сильно отекло, что он не желал предстать перед ним в таком виде, поэтому испытывал противоречивые чувства.

Чэн Цзиньнянь же не обращал внимания на его внешность, всё его сердце было занято лишь мыслями о том, как поскорее поставить его на ноги.

Чэн Цзиньнянь сидел рядом и разговаривал с ним. Гу Цинчэн прекрасно понимал свое состояние. Он хотел жить больше всех на свете, поэтому боялся смерти.

Но болезнь была беспощадна, и он ничего не мог с этим поделать.

При мысли об этом Гу Цинчэн начинал ненавидеть Гу Цинфэна. Еще с тех пор, как они были в утробе матери, тот был здоровее его. Эта природная несправедливость превратилась в жгучую ненависть, которую ему не терпелось выплеснуть на брата.

Он решил: если ему не суждено выжить, то он обязательно должен свести Гу Цинфэна в могилу, прежде чем сам уйдет...

053 Его сердце всё же дрогнуло

Глаза Гу Цинфэна налились кровью, он в ярости смотрел на этого дьявола во плоти, а его сердце словно кромсали острым ножом.

Он не понимал, как мог быть настолько слеп, чтобы полюбить такого человека.

Ему было больно за каждую крупницу души, которую он вложил в эти отношения.

Заметив его возбужденное состояние, Чэн Цзиньнянь вспомнил слова врача о том, что пациента нельзя подвергать сильным стрессам, и, проявив редкую доброту, не стал говорить жестоких вещей.

Лишь уходя, он бросил:

— Не думай о всякой ерунде. Я не разрешал тебе умирать, значит, ты обязан жить.

Гу Цинфэн был опустошен, его взгляд потух. Слова Чэн Цзиньняня лишали его всякой

надежды на будущее. Если ему суждено жить так, как того хочет Чэн Цзиньнянь, то лучше умереть прямо сейчас.

Чэн Цзиньнянь мгновенно прочитал его мысли и, на удивление, без угрозы в голосе произнес:

— Ты ведь хочешь избавиться от меня? Даю тебе шанс. Поправляйся, родишь то, что носишь в чреве, — и я тебя отпущу.

Гу Цинфэн беззвучно рассмеялся, его ресницы намокли от слез:

— Чэн Цзиньнянь, ты думаешь, я еще поверю тебе?

— Можешь не верить, но... это твой единственный шанс.

Чэн Цзиньнянь смотрел на него, думая: это твой единственный шанс уйти от меня.

Гу Цинфэн понимал, что деваться некуда, и ответил:

— Хорошо. Надеюсь, ты сдержишь слово.

Чэн Цзиньнянь отвернулся, собираясь уходить, когда Гу Цинфэн вдруг спросил:

— С каких пор ты знал?

— О чем?

— О ребенке.

Чэн Цзиньнянь одарил его ироничной улыбкой, полной презрения:

— А как ты думаешь?

Сказав это, он вышел из палаты. Глядя ему вслед, Гу Цинфэн понял: скорее всего, Чэн Цзиньнянь знал о беременности еще с того момента, как он попал в больницу без сознания.

А может, и того раньше.

После ухода Чэн Цзиньняня присматривать за ним остался Бянь Си.

В основном потому, что после попытки суицида Чэн Цзиньнянь перестал доверять остальной прислуге.

Гу Цинфэн не должен был пострадать снова.

Войдя в палату, Бянь Си увидел, что глаза Гу Цинфэна покраснели, а лицо стало еще бледнее, чем прежде. Он слышал всё, что Чэн Цзиньнянь говорил за дверью.

Бянь Си никак не мог понять, почему Чэн Цзиньнянь питает к нему столько жестокости.

— Хочешь воды? — спросил Бянь Си, пытаясь завязать разговор.

Гу Цинфэн покачал головой:

— Если у тебя есть дела, иди, не обязательно сидеть здесь.

Бянь Си промолчал, молча прошел в ванную комнату и через две минуты вернулся с влажным полотенцем.

Гу Цинфэн не успел спросить, что он собирается делать, как Бянь Си приложил полотенце к его лицу и начал протирать кожу:

— Моя главная задача сейчас — заботиться о тебе.

Они стояли довольно близко, и дыхание Бянь Си щекотало лицо Гу Цинфэна.

Заметив его озадаченный взгляд, Бянь Си понял, что его слова могли прозвучать двусмысленно, и поспешил добавить:

— Не бери в голову. Господин Чэн поручил мне позаботиться о тебе.

Гу Цинфэн опустил глаза:

— Понятно.

Вытерев следы слез, Бянь Си выпрямился:

— Отдыхай.

Гу Цинфэн внезапно спросил:

— Ты куда?

Бянь Си указал на диван:

— Никуда не уйду, останусь здесь с тобой.

Поправив очки на переносице, он направился в ванную.

Гу Цинфэн закрыл глаза и вскоре уснул.

*

Спустя неделю состояние Гу Цинфэна значительно улучшилось, врачи разрешили ему вставать с кровати.

Помимо ран на запястьях, порезы от стекла на теле начали постепенно затягиваться.

Так как Чэн Цзиньнянь запрещал ему выходить на улицу, в свободное время Гу Цинфэн прогуливался по больничному коридору.

Все эти дни Бянь Си был рядом, окружая его вниманием. Если бы он не был помощником Чэн Цзиньняня, Гу Цинфэн принял бы его за настоящего друга.

При мысли о друзьях он вспомнил о Чэн Но. Интересно, как он там?

С того дня Чэн Но словно испарился. И хотя он был врачом в этой же больнице, Гу Цинфэн ни разу не видел его с тех пор, как пришел в себя.

Гу Цинфэн переживал, не случилось ли с ним чего. Отношения между Чэн Но и Чэн Цзиньнянем оставались для него загадкой.

Тем не менее, было ясно, что они — как огонь и вода.

После того случая Гу Цинфэн боялся связываться с ним, опасаясь, что Чэн Цзиньнянь выместит гнев на Чэн Но.

Сам Чэн Цзиньнянь исправно появлялся в палате каждое утро. Иногда он отпускал язвительные замечания, а иногда молча смотрел и уходил.

В одно из таких утр, когда Гу Цинфэн только проснулся, Чэн Цзиньнянь пришел по расписанию.

Но в этот раз он был другим — он заговорил с ним тоном, допускающим обсуждение.

Дело было серьезным: Чэн Цзиньнянь хотел, чтобы он подыграл ему в одном спектакле.

На самом деле, он мог бы не советовать, а просто принудить, как раньше. Но он не хотел, чтобы Гу Цинчэн заподозрил неладное, поэтому решил договориться.

Сегодня днем Гу Цинчэну предстояла операция. Сначала Гу Цинфэн подумал, что речь идет о его почке.

Но, выслушав объяснения, понял, что ошибся.

Чэн Цзиньнянь сказал:

— Чинчэну нужна операция. Я сказал ему, что это ты пожертвовал почку, только тогда он согласился на вмешательство. Конечно, твое состояние сейчас не позволяет быть донором, поэтому я не стану тебя заставлять — я уже нашел подходящего донора. Но перед тем, как нас повезут в операционную, ты должен сыграть роль перед ним.

Выслушав его, Гу Цинфэн едва не расплакался от того, с каким усердием тот заботился о возлюбленном.

Его не удивляло, что Чэн Цзиньнянь способен на столь странные поступки ради Гу Цинчэна, но раньше он ни за что бы не поверил, что тот станет разговаривать с ним таким тоном.

И всё это благодаря Гу Цинчэну. Гу Цинфэн должен был быть благодарен ему: если бы не его болезнь, из-за которой Чэн Цзиньнянь так старался, у Гу Цинфэна никогда не было бы такого шанса.

Гу Цинфэн и сам не хотел, чтобы Гу Цинчэн страдал от боли, поэтому согласился на эту не самую сложную просьбу.

В полдень они зашли в палату к Гу Цинчэну. Гу Цинфэн, как было велено, изобразил крайнюю неохоту, чтобы Гу Цинчэн поверил, будто его заставили.

Даже во время самой операции, чтобы всё выглядело правдоподобно, их обоих ввели в операционную одновременно, и даже госпожа Гу ни о чем не догадалась.

Операция длилась около четырех часов.

Все прошло успешно, пересадка состоялась, признаков отторжения пока не наблюдалось.

Как только всё закончилось, Гу Цинфэн перестал притворяться, и Чэн Цзиньнянь велел отправить его обратно в палату.

Когда он вернулся, Бянь Си накрывал на стол ужин. Увидев его, он тут же сказал:

— Иди помой руки и садись есть.

Его привычный, почти домашний тон заставил Гу Цинфэна замереть. Бянь Си посмотрел на него:

— Что-то не так?

Гу Цинфэн покачал головой и прошел в ванную.

*

Спустя еще неделю Гу Цинфэна выписали.

Но, чтобы доиграть спектакль, ему пришлось пробыть в больнице еще месяц — всё-таки удаление почки было серьезным делом.

Через полтора месяца его наконец выписали.

День был ветреный, осенний, стало заметно холоднее.

Чтобы удобнее было следить за ним, Чэн Цзиньнянь приказал ему вернуться в дом, где они когда-то жили после свадьбы.

Бянь Си лично отвез его туда и, по указанию Чэн Цзиньняня, приставил двух сиделок.

Так Гу Цинфэн обосновался на новом месте.

Всё выглядело гармонично, но под этой гармонией скрывались глубокие течения.

Сначала Гу Цинфэн верил, что если родит ребенка, Чэн Цзиньнянь действительно его отпустит, но он был слишком наивен.

*

Гу Цинчэна выписали через неделю после него. Операция прошла успешно, восстановление шло хорошо, и Чэн Цзиньнянь наконец решился забрать его домой.

В день выписки Гу Цинчэна Чэн Цзиньнянь тут же объявил о предстоящей свадьбе.

Услышав эту новость, Гу Цинфэн, чье сердце давно омертвело, все же почувствовал острую боль.

Он знал, что они поженятся, просто не ожидал, что Чэн Цзиньнянь будет так спешить.

Эту новость принес Бянь Си. Внешне Гу Цинфэн никак не отреагировал, но Бянь Си всё же уловил в его глазах печаль.

Сам Гу Цинфэн этого не заметил. В тот день Бянь Си задержался у него на час дольше обычного — это был предел, так как Чэн Цзиньнянь не позволял ему проводить там много времени.

После ухода Бянь Си в доме появился еще один гость — Чэн Но, которого он давно не видел.

Чэн Но выглядел плохо, даже неопрятно: всегда безупречный, в этот раз он был небрит и подавлен.

Гу Цинфэн, глядя на него, не удержался:

— Чэн Но, у тебя что-то случилось?

Тот пронзительно посмотрел на него:

— Чэн Цзиньнянь женится, ты ведь знаешь?

Гу Цинфэн замер, а затем кивнул:

— Да. И что?

Чэн Но внезапно схватил его за руки и произнес странные слова:

— Цинфэн, я знаю, ты хочешь сорвать эту свадьбу. У меня есть план.

054 Использовал его почку — пусть сдохнет в муках

Гу Цинфэн с удивлением смотрел на Чэн Но, не понимая, к чему тот клонит.

Видя, что он молчит, Чэн Но взволнованно сжал его руки:

— Цинфэн, я знаю, что вы с Чэн Цзиньнянем были женаты, и знаю, что ребенок у тебя — от него...

Не дав ему договорить, Гу Цинфэн перебил:

— И что с того?

— Разве ты не хочешь вернуться к нему?

— Нет.

Чэн Но вдруг повысил голос:

— Почему нет? Ты готов прятаться здесь, рожая ему ребенка, и не смеешь выйти и вырвать его из чужих объятий?

Гу Цинфэн смотрел на Чэн Но с недоверием. Тот выглядел настолько ожесточенным, что Гу Цинфэн словно впервые видел его.

Он отстранился, убирая руки Чэн Но:

— Чэн Но, я не знаю, что заставило тебя так ошибаться, но, в память о нашей дружбе, скажу прямо: я не хочу иметь с Чэн Цзиньнянем ничего общего. Если у тебя больше нет дел, прощу, уходи.

Чэн Но понял, что перегнул палку. Опустив голову, он пробормотал:

— Прости.

И вышел.

После его ухода Гу Цинфэн долго стоял неподвижно, пытаясь прийти в себя.

*

После выписки Гу Цинфэн почти не видел Чэн Цзиньняня. Раньше он подсознательно жаждал встреч, но теперь на душе было спокойно. Он не хотел участвовать в жизни Чэн Цзиньняня — или, скорее, он наконец-то научился смирению.

Столько лет ушло на то, чтобы усвоить этот урок.

Он хотел лишь спокойно родить ребенка, а потом уйти подальше и начать жить собственной жизнью.

Но реальность всегда далека от идеалов.

В тот день стояла редкая для осени хорошая погода. Бянь Си пришел навестить его и предложил прогуляться.

Живот Гу Цинфэна с каждым днем становился всё больше, а на улице холодало, поэтому он не горел желанием выходить.

Но, видя, как Бянь Си ждет ответа, он помедлил и всё же кивнул.

В основном потому, что отказать Бянь Си, который так заботился о нем, было выше его сил.

<http://bllate.org/book/20420/2039758>